View the original article

ГРАНИ ВРЕМЕНИ

"Смягчение санкций в обмен на жизни неправильный ход"

Мумин Шакиров

02 ноября 2026

Депутат Европарламента Сергей Лагодинский

Сергей Лагодинский о том, как западные страны должны менять политзаключенных в России.

Настоящий материал (информация) произведен, распространен и(или) направлен иностранным агентом Шакировым Мумином Шакировичем, либо касается деятельности иностранного агента Шакирова Мумина Шакировича. 18+

В феврале 2004 года, в Катаре, во время взрыва автомобиля погибает один из лидеров чеченского сепаратизма Зелимхан Яндарбиев. Катарские правоохранительные органы задерживают двоих. Министр иностранных дел

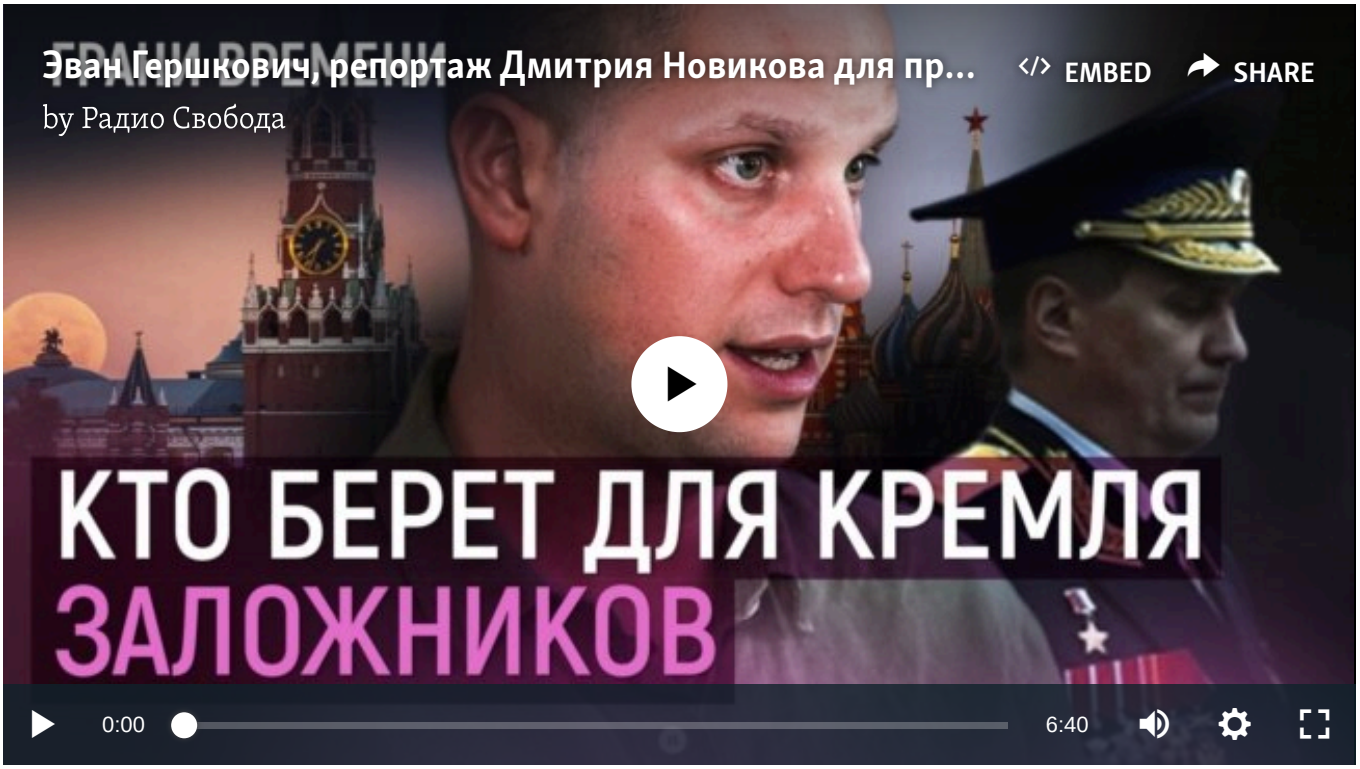
Игорь Иванов признает, что они сотрудники ГРУ при посольстве. А дальше происходит классический захват заложников. В конце марта 2004 года в Шереметьево задерживают двух граждан Катара. Представителя национальной сборной по греко-римской борьбе и его коллегу-спортсмена. Формальный повод — незадекларированная валюта. Но катарцы мгновенно понимают: Москва пошла на ответный захват людей. В российской и международной прессе впервые открыто звучит фраза "обменный фонд". Катарских спортсменов отправляют в СИЗО "Лефортово". Через несколько недель, после закрытых переговоров, их освобождают. А уже в декабре 2004 года Россия успешно возвращает из Катара двух своих ликвидаторов, осуждённых за убийство Яндарбиева.

В августе 2024 в аэропорту в Москве расстелена красная дорожка, стоит почётный караул. Человек в бейсболке выходит из самолёта на правительственный перрон. Его встречают не как освобождённого заключённого, а как национального героя. Путин обнимает Вадима Красикова, киллера, осуждённого немецким судом на пожизненный срок за убийство в Берлине Зелимхана Хангошвили, бывшего чеченского полевого командира.

Встреча Вадима Красикова во Внукове, 1 августа 2024 года.

Если двадцать лет назад Кремль выменивал исключительно провалившихся офицеров спецслужб, то сегодня его "списки" изменились. От хакеров и контрабандистов оружия до теневых финансистов войны. О том, кто сегодня сидит в западных тюрьмах и формирует "потенциальную колоду Путина":

Скачать медиафайл

Несмотря на все несовершенство обменов, когда на свободе оказываются люди, выполнявшие грязные поручения Кремля, есть и другая сторона медали. Журналисты, активисты, политики, медики и иностранцы, подвергшиеся репрессиям в России, получают шанс на освобождение. Как обсуждаются и утверждаются обменные списки, поговорили с **Сергеем Лагодинским**, депутатом Европарламента от Германии.

– Какую роль вы сыграли в переговорах об обмене российских политзаключённых на Вадима Красикова?

– У меня было две задачи. Первая: подготовить политическую почву, показать, что такой обмен необходим. Мы работали через Европейский парламент, принимали резолюции, в которых требовали действий, в том числе обмена. Впервые мы начали включать это требование в тексты резолюций. Вторая: я пытался по своим неформальным каналам убедить наших политиков, в частности министра иностранных дел Анналену Бербок, представлявшую мою партию, что такой обмен необходим и приемлем с политической и гуманитарной точек зрения. Но тогда речь шла прежде всего об Алексее Навальном. О группе, которую впоследствии обменяли, я не знал. Я много говорил о ситуации Владимира Кара-Мурзы и работал над его освобождением, особенно учитывая проблемы со здоровьем. Я доводил эту информацию до наших политиков и пытался добиться политического согласия на обмен.

Но не будем забывать, что большую роль, по моей информации, играла и

канцелярия канцлера. Вольфганг Шмидт, мой хороший знакомый, был министром, возглавлявшим ведомство федерального канцлера, правой рукой Олафа Шольца. Он играл важную политическую и координационную роль. Я также предлагал ему имена людей, чьё положение было критическим, чтобы их могли рассмотреть для обмена.

При этом я не хотел бы преувеличивать свою роль. Я делал то, что мог, но не был ключевой фигурой.

– Навального спасти не удалось, но на свободу вышли Яшин, Кара-Мурза и другие. Не создал ли этот обмен опасный прецедент? Москва получает своих исполнителей, а затем может снова использовать их для операций за рубежом.

– После обмена развернулась очень активная дискуссия. И в немецких СМИ, и в политических кругах я отстаивал позицию, что решение было правильным. Из разговоров я знал, а позже это стало известно и публично, что министр иностранных дел Анналена Бербок в принципе выступала против обмена по этическим и юридическим соображениям. Ситуация действительно была сложной: освободить человека, уже приговорённого к сроку и отбывавшего наказание, настолько рано — непростое решение. Процессуальная возможность существует, но она не вполне однозначна. Потребовалось участие министра юстиции, который фактически заставил прокурора пойти на этот шаг. Многие критиковали такое решение. Тем не менее я считаю, что гуманитарные аргументы перевесили юридические и политические.

– Если это настолько сложный процесс, должен ли Евросоюз выработать общие правила обмена заключёнными с Россией?

– Я считаю, что общеевропейский подход к отношениям с Российской Федерацией всегда лучше отдельных шагов разных государств: 27 игроков не могут одновременно играть в шахматы на одной стороне доски. Чтобы нас не сталкивали друг с другом и чтобы наша позиция была сильнее, необходима более тесная координация на уровне Евросоюза. Хотя в таких вопросах этого часто трудно добиться.

Но хочу подчеркнуть: по гуманитарным соображениям можно обменивать невиновных людей на преступников, но нельзя обменивать невиновных на новые преступления. Нормализация отношений или смягчение санкций в обмен на человеческие жизни и свободу неверный стратегический и гуманитарный ход. А обмен невиновных людей на преступников и шпионов, находящихся в заключении в странах Евросоюза, с моей точки зрения, этически и политически оправдан. Как только речь заходит о смягчении санкций, исключении отдельных

лиц из санкционных списков или постепенной нормализации отношений, мы не должны соглашаться на обмен в такой форме. Иначе нас смогут шантажировать судьбами граждан Евросоюза. Мы создадим неправильную мотивацию для российской или белорусской стороны и покажем, что шантаж и разрушение человеческих жизней ведут к нормализации отношений с режимом, который эти жизни разрушает. Это не тот политический выбор, на который мы должны идти. Повторю: обмен преступников на невиновных — да, обмен невиновных на дальнейшие преступления — нет.

– Может ли Европа сейчас занять позицию, схожую с британской: "С террористами переговоров не ведём, заложников не меняем"?

– Думаю, для этого уже поздно. Кроме того, я знаю, что идут важные переговоры, например об обмене военнопленными между Россией, агрессором и оккупационной стороной, и защищающейся Украиной. Поэтому я не считаю обмены как таковые неправильными. Здесь я скорее руководствуюсь гуманитарными соображениями. Но мы не должны действовать наивно.

Мумин Шакиров

Грани времени | Политика